

Прошел год.

Май 1987 года.

Валентина Павловна(медленно водит Андрюшу по большой комнате): Сыночек, еще три шага и давай до шкафа дойдем.

Андрюша делает два шага и заваливается на мать.

Валентина Павловна (пытается шутить): Нашел подставку! Тебе уже одиннадцать лет. Пора бы маму на руках носить!

Андрей тяжело вздыхает. Пот выступил на лице. Нацупал левой рукой стул и присел.

Валентина Павловна: Тридцать шесть шагов прошли! Молодец, Андрюшечка!

Мальчик грустно улыбается.

Андрюша: Скоро учительница придет. За весь год будет у меня по предметам экзамены принимать за пятый класс. Целый год никто не приходил. Только учебники из школы выдали. Да программу обучения. А что Витюшечка не приходит? Наташа? Неужели забыли меня? Или знать бояться?

Валентина Павловна: Они тоже болеют. Как и многие другие ребята. В ваш класс перевели 18 новых детей из другого класса, который расформировали.

Андрей: Написал бы Вите записку, да рука не слушается. Что ты скажешь, мама?

Валентина Павловна (сдерживая тягостный стон): Что его зря беспокоить? Выздоровеет — сам в гости придет.

Андрюша (горестно вздыхает): Мам! Кто-то звонит в калитку!

Валентина Павловна пошла открывать.

В комнату вошла Анна Ивановна. Нарочито бодрым голосом сказала.

Анна Ивановна: Здравствуй, Андрюша! Ну что, сейчас поговорим, экзамены приму. А ты бодро выглядеть стал. То все лежал, а сейчас, смотрю, и ходить стал. Рубашки сам себе стираешь? Вон какую чистую и красивую надел!

Андрюша (улыбается): Нет, это мама постирала. Я после старого нового года немножко вставать стал. Сначала просто ноги опускал с кровати. Потом стал ходить. А сегодня уже тридцать шесть шагов прошел. Маме 1 июня 36 лет исполняется.

Анна Ивановна подошла, погладила Андрюшу по голове. Мальчик заулыбался еще больше.

Анна Ивановна: Давай начнем с географии. По каждому из десяти предметов буду задавать по одному вопросу. Если не ответишь на какой, то второй вопрос задам по этому предмету. Согласен?

Андрюша (посерьезнел): Согласен.

Анна Ивановна: Существует четыре стороны света, Андрей. Это основа географии. При помощи какого прибора можно ориентироваться и как эти стороны света называются.

Андрей: Задание понял.

Анна Ивановна (улыбнулась): Ты с первого класса так говоришь, отвечая на все мои вопросы. Хочу поинтересоваться: почему?

Андрей: Это мой дедушка Михаил Валерьевич так говорил. Он же в партизанском отряде был на Брянщине. В конце войны даже комиссаром стал. Хотя ему было всего 23 года.

Валентина Павловна: Простите, что мешаю уроку вести. Но у дедушки три ордена и медаль за войну были. Свекор уважаемый был человек. Жаль, прожил мало. 21-го года рождения.

Андрей: Разрешите отвечать?

Анна Ивановна достает школьный журнал, открывает раздел географии, готовится записывать.

Андрей: Прибор называется компас. А сторон света четыре: запад, север, юг, восток.

Анна Ивановна одобрительно кивает головой. Затем она задает вопросы по биологии, русскому языку, алгебре. Вопросы задает самые простые.

Мальчик старательно отвечает.

Анна Ивановна ставит оценки. Потом смотрит на Андрея. Видит, что он утомился и вид у него болезненный.

Анна Ивановна: Андрей! Поздравляю тебя с окончанием 5 класса. Я поставила тебе все итоговые оценки «отлично». Давай мне свой дневник. Я поставлю отметки за год. Ты перешел в шестой класс. Поздравляю!

У Валентины Павловны слезы умиления накапываются на глаза.

Валентина Павловна: Анна Ивановна! Милая вы моя! Огромное вам спасибо! Мы, честно скажу, даже не думали. И дневник на 1986—1987 год не купили. Но я вам обещаю, что дневник найду и принесу к вам в школу.

Анна Ивановна одобрительно кивает.

В это время в комнату входит отец Андрюши.

Валерий: О, гости! Гостям всегда рады. Какие вести принесли?

Валентина Павловна: Вот Андрюша сдал экзамены за пятый класс и перешел в шестой.

Валерий подходит к сыну. Обнимает его и целует. Все радостно улыбаются.

Андрюша просит положить его на диван. Мальчик сильно устал.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Что ж я такая нескладеха! Давайте хоть чаем напою. Тем более, что повод есть. Да я и трубочки с кремом испекла — как чувствовала.

Андрей закрывает глаза и затихает. Все тихонько выходят на кухню. Но перед тем как покинуть комнату, Валентина Павловна бросает взгляд на сына и замечает, что у него опять из носа начинается кровотечение.

Валентина Павловна опрометью бросилась к сыну, забыв попрощаться с Анной Ивановной.

Валентина Павловна: Андрюшечка, милый мой сыночек! Притомился. Сейчас-сейчас я тебя поцелую! Вот и валик. Давай тихонечко положим под шею. Сейчас я капельки возьму. В носик закапаем. Терпи, сыночка!

Говоря эти слова, она действовала быстро и сноровисто.

Кровотечение через несколько десятков секунд прекратилось.

Муж Валерий и Анна Ивановна стояли в проеме двери и с волнением наблюдали за производимыми ею манипуляциями.

Андрюша задышал ровно, закрыл глаза и постепенно стал засыпать.

Валентина Павловна присела на краешек дивана и осторожно взяла правую руку сына в свои ладони. Ласково и осторожно гладила его по руке.

Мальчик заснул. Валентина Павловна медленно опустила руку сына на диван, встала, обернулась и приложила палец к губам — разговаривать нельзя.

Анна Ивановна согласно кивнула и постаралась бесшумно удалиться.

Валерий стоял в проеме двери и преданно смотрел на жену.

1 сентября 1987 года.

Андрюша решил пойти в школу.

Андрей: Мама, папа! Я уже шестиклассник! Пойду на линейку.

Родители переглянулись и Валентина Павловна утвердительно кивнула головой.

Валентина Павловна: Давай, сыночек, попробуем. Только пешком не пойдем. От дедушки осталась коляска с ручным приводом. Посадим тебя в нее, а папа аккуратно повезет. Договорились?

Андрюша расстроился.

Андрей: Мам! Но тогда подумают, что я полуинвалид. А я ведь здоровый, как ты говоришь, только сильно ослабевший за полтора года. Сама говоришь, что мясо нарастет — лишь бы дух был.

Валентина Павловна ничего не ответила сыну.

Валерий молча потрепал сына по плечу.

В 7:45 вышли из дома. Андрей сделал несколько шагов с крыльца, опираясь на поддерживающих его родителей. Аккуратно опустился в коляску.

Было солнечное первосентябрьское утро. Валерий встал сзади и взялся за ручки. С разных улиц к школе стекались учащиеся. Многие шли с родителями, в руках были цветы. Все, мимо кого проезжал Андрей, смотрели на него. Мальчик улыбался и не обращал на жалостливые взгляды внимание.

А Валентину Павловну коробили не столько жалостливые взгляды, но взгляды тех, кто старался не замечать ее сына и не приближаться к нему. Это брезгливое отношение она еле терпела.

Валентина Павловна (мужу, негромко): Видишь, брезгуют Андрюшечкой! Стараются обходить его. Все боятся заболеть. Не дай Бог, конечно! Но некоторые ведут себя некрасиво.

К Андрею подбежала восьмилетняя Таечка, которая пошла в третий класс. Она звонко поприветствовала Андрея.

Таисия: Здравствуй, Андрюша! Вот ты в шестой класс идешь, а я — в третий! Поздравляю тебя с Днем знаний. А почему ты ножками не идешь?

Андрюша открыл глаза и посмотрел влево, на стоящую рядом с ним соседскую девочку.

Андрей: Здравствуй, Тая! Приходи ко мне, я тебе помогать учиться буду! А ножками я пока не иду, потому что болею. Но скоро выздоровлю и буду с тобой наперегонки бегать.

Таечка хотела пожать руку Андрею, но идущая рядом с ней бабушка ловко вы-

хватила у нее букет и передала девочке в другую руку, а сама схватила Таю за левую руку и потащила вперед. Она пробормотала что-то нечленораздельное, но Валерий распознал. Бабушка сказала: «Не трогай гнилушку, Тая! Все одно конец будет».

Валентина Павловна потемнела лицом. Валерий играл желваками и приостановил коляску. Андрей ничего не понял и оптимистично закричал вслед Тае.

Андрей: Встретимся на школьном дворе!

Тая повернулась к нему и от неловкого движения выронила букет цветов. Девочка хотела наклониться и поднять его, но бабушка упрямо тащила ее вперед.

Андрей попросил отца двигаться быстрее.

Андрей: Папа! Давай, букет подберем и Тае отдадим!

Валентина Павловна: Сынок! То, что упало, уже не поднимают. Если хочешь, отдай ей свой букет.

Андрей: Я же Анне Ивановне хотел подарить.

Валентина Павловна: Она и так будет рада видеть тебя. А если хочешь — сейчас постоим, а папа сбегает обратно, мы ведь недалеко отошли от дома, и соберет еще один букет. Согласен?

Андрей отрицательно покачал головой. Ему хотелось быстрее на школьный двор — принять участие в торжественной линейке.

Валерий(вздохнул): Быстро поедем, Андрей? Или не спеша?

Андрей: Пап! Давай сильно спешить не будем, я хочу и своих товарищей по классу увидеть, чтобы поговорить. И тех, кто постарше, и совсем маленьких.

Они обогнали Таю с бабушкой. Бабушка настойчиво тащила Таю вперед, не обращая ни на кого внимание. Девочка буквально бежала за ней, чуть не плача. Андрей помахал ей рукой и Тая разулыбалась.

Заметив это, бабушка наоборот замедлила шаг. Тая удивленно посмотрела на бабушку, но перечить не посмела. Раз мама сказала слушаться бабушку и не баловаться, значит, так и должно быть.

Когда Андрей въехал в школьный двор и папа покатил его к очерченному прямоугольнику, где было написано «б А», то наступило молчание. Огромный школьный заасфальтированный двор — и полная тишина. Андрей еще не понимал, что произошло, потому радостно воскликнул.

Андрей: Анна Ивановна! Здравствуйте! Я вам цветы привез! Ребята, привет! Ого, сколько новеньких!

Анна Ивановна растерянно улыбалась и молчала.

Валерий аккуратно поставил коляску с сыном и замер в напряжении: их здесь не ждали. Здесь были только здоровые дети.

Андрей обратил внимание на то, что Анна Ивановна была в черном платке. Он еще не понимал, почему, но заволновался.

Кто-то из новеньких одноклассников беспечно ему сообщил: «С нами девочка Наташа числилась в классе, вот 25 августа она умерла».

Андрей застекленевшим взглядом посмотрел на мальчика и жестко ответил.

Андрей: Ты обманываешь!

Мальчик обиделся: Как же я обманываю, когда мы все по горсти земли в могилу бросали! Она после Чернобыльской аварии в школу не приходила. Только Анна Ивановна нам про нее рассказывала. Кстати, и про Витю Сумарокова рассказывала, который еще в прошлом году умер.

Андрей потрясенно огляделся вокруг и закрыл лицо руками.

Валентина Павловна не знала, что делать. С одной стороны, она хотела прикрыть сына от всех невзгод, с другой — понимала: течение жизни неотвратимо, а Андрею надо как-то приспособливаться к ней, потому что на всю жизнь его не убережешь. Между прочим, о смерти Наташи она узнала только что.

Андрей сидел, закрыв ладонями лицо. А все вокруг молчали. Неслышно подошла Анна Ивановна.

Анна Ивановна: Андрюша! Наташа тебе браслет из бусинок сплела. Просила передать. Только я вот еще не успела. Ты прости меня.

Андрей промолчал.

Инициативу взял на себя Валерий.

Валерий: Ну ладно, сынок! На торжественной линейке мы побывали, в школу нам пока не надо. Учебники и программы мама через несколько дней возьмет. А нам уже домой надо. Скоро медсестра придет — надо продолжать лечиться.

По лицу мальчика было видно, что он расстроился. Он молча махнул папе правой рукой, показывая направление.

Андрей протянул руку нескольким товарищам, чтобы попрощаться. Многие старательно избегали рукопожатия. Только один Сережка, который сидел впереди него за первой партой второго ряда, осмелился подать руку. Андрей благодарно пожал ее.

Анна Ивановна увидела это и на ее лице отразилась гримаса сострадания.

Андрей нарочито бодро сказал.

Андрей: Всем привет! Пятерок! Дружбы! А я поехал лечиться. Пап! Вперед!

Валерий пересек по диагонали школьный двор и выехал с него. Он шел медленно, с достоинством. Потому что вез самое дорогое, что у него было, — своего сына.

Валентина Павловна шла следом. Ее душили негодование и слезы. Но ради сына она сдерживалась и кивала направо и налево. Про себя же она думала: «Какие лицемерные люди! Как боятся всего! А мой Андрюша, мытый-перемытый, леченый-перелеченый, должен терпеть все это от окружающих!»

Когда вышли со школьного двора, она негромко сказала Валерию.

Валентина Павловна: Валера! А ты бы как поступил? Неужели наш сын недостойн, чтобы его поприветствовали?

Валерий чуть-чуть ускорил шаг, молчал и катил коляску. Уже возле дома он ответил жене.

Валерий: Лучше нам никогда не испытывать такое. Пусть дети живут как живут, но Андрюша наш, если все будет хорошо, никогда изгоем не будет. Это я могу тебе со всей ответственностью сказать.

Андрей смотрел молча перед собой и не слушал шепот-разговор родителей. Он был сильно растерян и переживал всю ситуацию.

Андрей (негромко, про себя): Со мной даже здороваться не хотят! Чем же я такой неполноценный?

Валентина Павловна услышала едва слышно произнесенные сыном слова и приободрила его, погладив по щеке.

Валентина Павловна: Сынок! И в нашем райцентре много недалеких людей. И хотели бы они, чтобы тебя среди них не было. Им это будет удобно. Но мы для них не сделаем этого. Ты обязательно поправишься. Вон как хорошо учишься! Мы еще всем им докажем, что они неправы. А у тебя все будет хорошо. Я это точно знаю.

Мальчик благодарно посмотрел на мать, взял ее левую руку и поцеловал. От избытка чувств Валентина Павловна расплакалась. Валерий стоял у калитки и молчал.

Через несколько минут заехали во двор, когда Валентина Павловна успокоилась. По ступенькам Андрюша поднимался, опираясь на родителей, очень медленно. Встал на одну ступеньку, помолчал, повздыхал. Потом встал на другую. Родители не торопили его. Все они думали об одном и страстно этого желали. Пусть судьба будет милостива к семье Наумовых.

К 10 часам утра пришла свекровь Матрена Николаевна с необычным известием.

Матрена Николаевна: Андрюша! Я немного запоздала к началу, а линейку еще

позже начали. Анна Ивановна что-то ответила директору, когда та стала на нее кричать. А она взяла и увела почти весь свой класс в школу. Я слова ее слышала: «Я от мещанства вашего устала и не хочу, чтобы дети это впитывали». Взяла колокольчик из рук первоклассницы, помахала им перед лицом растерявшейся директрисы, потом отдала колокольчик девочке и повела своих в класс. Некоторые говорят, что это из-за тебя, Андрюша. Правда?

Андрей (расстроено): Я Анну Ивановну осуждать не могу, но ведь у ребят праздник сорвался. Как бы ее не наказали.

Валентина Павловна охнула и увела маму-свекровь на кухню. Андрюша сел в кресло в большой комнате — идти в свою комнату дальше он не мог, так как сильно разволновался и устал.

Валерий вышел во двор и начал складывать коляску. Злорадства он не испытывал, потому что тоже был глубоко расстроен. Во всем он винил только себя: не предупредив Анну Ивановну и одноклассников, самолично заявили в школу. Вот все так и получилось.

Валерий вернулся в дом, помыл руки и зашел на кухню.

Валерий: Анна Ивановна боец! Упорный человек! Многие ребята задумаются, правильно ли вели они себя со своим товарищем-одноклассником, нашим сыном. Было успокоившаяся Валентина Павловна подошла к мужу, прижалась к нему, приобняла и снова слезы выступили на ее глазах.

Мама-свекровь нравоучительно заметила.

Матрена Николаевна: Все, что в жизни не происходит — должно было произойти. А Андрюша все правильно поймет: иногда по жизни приходится идти и одному. И шаги надо ускорять. А другие пусть остаются сзади. Анну Ивановну увижу — спасибо ей скажу.

Валентина Павловна прошла в комнату. Андрей молча сидел, уставившись в одну точку. По выражению его лица ничего нельзя было понять: переживал он или равнодушно смотрел перед собой. Валентина Павловна присела возле него на диван и сторожко замолчала. Она сердцем поняла, что сына лучше не беспокоить.

4 сентября 1987 года. 15 часов.

Валентина Павловна с книгами — школьными учебниками и идущая с ней рядом Анна Ивановна зашли домой. Мальчик сидел в кресле в комнате и читал какой-то приключенческий роман. Вид у него был заинтересованный — чтение увлекло ребенка.

Валентина Павловна нарочито громко и с воодушевлением сказала.

Валентина Павловна: Андрюша! А мы к тебе с Анной Ивановной пришли! Я книги нес, а она — программу по всем предметам первой четверти. Вы нас, ваше сиятельство, примете?

Пока они заходили в комнату, Андрей улыбнулся, но потом сделал строгое лицо.

Андрей: Заходите, любезные. Барин примет вас!

И, продолжая важничать, добавил.

Андрей: Анна Ивановна! Как там ваши школьные дела?

Анна Ивановна: Хотели сегодня педсовет провести, да я сказала, что должна идти на дом к ребенку — к тебе, Андрюша! Обе завучихи со мной согласились, а директор вообще отменила педсовет. Подошла ко мне и сказала: «Все, что было — забыто. А я вела себя неправильно!»

А тут и Валентина Павловна пришла к нам. Мы взяли книжки в школьной библиотеке и пришли к тебе, Андрюша!

Андрей: А вы зря назвали меня «ваше сиятельство». Я тут анекдот прочитал про

физиков-ядерщиков. Так там написано: если ты находишься в пяти километрах или ближе от очага ядерного поражения, то к тебе надо обращаться «ваше сиятельство». Если в десяти километрах, то надо говорить «ваше святейшество», если находишься в двадцати километрах, то «ваше благородие». А если находишься в ста километрах или более, то надо говорить «ваше долготерпение». Вот я и терплю, Анна Ивановна. А вот к чему это терпение приведет — не знаю. Но пока вот получил от своих одноклассников — прежних и нынешних.

Мальчик тяжело вздохнул.

Анна Ивановна отвернулась, смахнула слезу. Потом повернулась к Андрею и спокойным тоном произнесла.

Анна Ивановна: Переживать не надо, Андрюша, а чем больше терпишь, тем ближе к выздоровлению. Думаю, что организм свое возьмет.

Валентина Павловна молча подошла к столу, достала учебники и положила их перед Андрюшей. Мальчик посмотрел на нее.

Валентина Павловна: Вот твои кирпичики знаний, чтобы подняться на шестую ступеньку, сыночек. Уверена, что ты все выучишь и запомнишь. Лишних знаний, Андрюшечка, не бывает.

Мальчик благодарно посмотрел на мать. Затем взял одну книгу, другую... И углубился в учебник по алгебре.

Женщины увидели, что он отвлекся и на цыпочках вышли из комнаты.

Валентина Павловна (в коридоре говорит Анне Ивановне): Раз ребенок увлекся — уже хорошо.

Анна Ивановна согласно кивнула в ответ.

25 ноября 1987 года.

Валентина Павловна достала спрятанный дневник, 12-ю книжку которого она ведет, и села записывать.

Валентина Павловна (пишет): Позвонила мне сегодня Тамара и сообщила, что ЦК КПСС поручил Минздраву начать работу по лечению пострадавших от Чернобыльской аварии. Необходимо взять на учет всех граждан из пострадавших областей России, Украины, Белоруссии и Молдавии, а особенно — детей.

В ушах Валентины Павловны все стоял голос Тамары: «Мой Витюшечка не дожил, официальный диагноз поставили, что умер от пневмонии, где-то недоглядели. Мало двигались, вот легкие и спались. Может, твой Андрюшечка счастливее будет».

Валентина Павловна задумалась над дневником. Затем решительно приписала: «Завтра звоню Агриппине Самойловне и будем жаловаться в Брянск — в облздравотдел. Пусть Андрюшечку ставят на спецучет в Брянске и лечат по-другому». «По-другому» она три раза подчеркнула жирной чертой.

Закрывает дневник, положила на него руки, упала головой на руки и бесшумно зарыдала.

15 февраля 1988 года

К семье Наумовых приехала спецкомиссия: пять докторов — все мужчины. Лица сумрачные.

Руководитель группы, представительный мужчина лет 50-ти: Решили начать с вас. Вы тут жалоб набросали и пишете, что вашим мальчиком никто, кроме районного педиатра, не занимается. Мы лечим всех.

Руководитель группы помялся и добавил: Кто живы.

Валентина Павловна бессильно опустила на стул.

Валентина Павловна (еле сдерживая гнев): А сколько семей освободили вас от лишних хлопот?

Руководитель врачебной группы (примирительно): Цифру мы вам не назовем, но из восемнадцати человек, стоящих в вашем райцентре на спецучете, у нас три действующих карточки. Приглашайте вашего мальчика.

Дрожь била Валентину Павловну. Она еле сдерживала себя, потому что ей было известно только о двух умерших — Витюшечке и Наташе.

В комнату вошел Валерий, увидел представительную делегацию и растерялся.

Валерий: Что-то случилось? Почему так много врачей пришло?

Валентина Павловна сумела перебороть свое волнение.

Валентина Павловна: Валера! У нас все хорошо. Сейчас Андрюшу покажем докторам, а потом они будут лечить по-новому и долечат.

Не поняв иронии, руководитель медицинской группы согласно кивнул головой.

Валентина Павловна пригласила Андрюшу.

Мальчик вышел в белой рубашке и в красном галстуке. Молча отсалютовал врачам. Мужчины заулыбались.

Андрей: К медосмотру готов.

В это время в комнату зашли две женщины. В руках у них были небольшие металлические ящички.

Руководитель медицинской группы: Ну что, боец-молодец! Раздевайся до пояса, будем тебя осматривать, записывать. Потом у тебя две наши клинические медсестры возьмут анализы прямо на дому. А через пять дней поставим тебе диагноз и назначим новое лечение.

Валерий: А я же ездю в специальную клинику в Москву, что в районе метро «Красногвардейская». Почти за два года уже восемь раз съездил, лекарства покупал.

Врачи удивленно переглянулись.

Руководитель медицинской группы: И чем же вы лечите сына?

Валерий достал упаковки с лекарствами. Тот заинтересованно все осмотрел, прочитал о назначенных процедурах и удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: А знаете, почему ваш мальчик до сих пор... (он сглотнул воздух, поняв, что может сказать лишнее, и вывернулся) успешно противостоит болезни и склонен к выздоровлению? Лечение назначено на очень хорошем уровне. Я приятно удивлен.

Андрюша разулыбался.

Андрей: Вот хорошо, что вы приехали. Мне в мае двенадцать лет будет. Пора бы уже и выздоравливать, чтобы, как все, в школу ходить, в любимый мною волейбол играть, помогать папе и маме скотину содержать, в огороде работать. А еще я учусь на все пятерки.

Врачи переглянулись, а Валентина Павловна с нежностью посмотрела на сына.

Руководитель медицинской группы: Давай, боец-молодец, я тебя послушаю.

Наступила тишина. Слушал он минуты четыре, обстукивал грудную клетку Андрюши, удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: Клавдия Ивановна! Садитесь записывать: легкие в норме, развитие организма лучше, чем удовлетворительно.

Валерий вышел из комнаты, чтобы не мешать осмотру.

Валентина Павловна застыла в углу и с благоговением смотрела на рассеявшихся по комнате врачей, к каждому из которых по очереди подходил Андрюша.

Медосмотр занял около двух часов.

Старенький врач, примерно лет под семьдесят, седой, невысокого роста, но с сильными руками, после осмотра живота Андрюши что-то стал говорить руководителю медицинской группы по-латыни. Тот покивал.

Изо всех слов Валентина Павловна разобрала только одно — холецистит. И еще

одну фразу: «На семьдесят процентов подавление функции». Старенький доктор до-
бавил уже на общепонятном языке.

Старенький доктор: Еще пять—восемь процентов и будет показана операция.

Валентина Павловна не сдержала стопа отчаяния.

Руководитель медицинской группы (со страданием посмотрел на нее): Не надо, матушка, зря переживать! Скоро весна наступит. Давайте ребенку щавелевые супы, голубцы, куриную печень измельчайте и давайте. Обязательно по два грецких ореха в день. И самый животворящий сок на свете, который поднимет гемоглобин,— это гранатовый сок.

Валентина Павловна лихорадочно записывала за доктором. Каждое указание она воспринимала как провидение свыше.

Валентина Павловна: А куриную печень мы даем каждую неделю. Мы курочек держим для Андрюшеньки и ему даем.

Руководитель медицинской группы: Надо давать не реже трех раз в неделю. У вас на окраине Брянска есть птицефабрика. Не хватает своего материала — берите там, доготавливайтесь. Мальчик растет, необходимо увеличивать полезное питание.

Андрюша вопросительно посмотрел на мать.

Валентина Павловна: Все выполним, все! Когда вы в следующий раз с медсотром приедете?

Руководитель медицинской группы довольно улыбнулся. Ему было приятно, что в семье Наумовых изо всех сил занимаются лечением ребенка и, возможно, воспаление желчного пузыря удастся ослабить, а то и вообще излечить. Организм-то молодой, растущий.

Пока у Андрюши брали анализы, потом врачи о чем-то спорили между собой, Валентина Павловна заслала в комнату мужа, чтобы был на подхвате, а сама стала готовить на кухне обед для врачей.

К ее огорчению, медики обедать отказались.

Руководитель медицинской группы: Вы, мамочка, на нас не обижайтесь! Мы не брезгуем и ничего не боимся. Но у нас есть этические нормы. Вот когда он полностью выздоровеет, тогда уж мы посидим! Может, вас и на коньячок дорогой разорим, и не на одну бутылку!

Валентина Павловна: Господи, на все пойду, лишь бы сынок выздоровел! А самого лучшего коньяка ящик куплю! У нас три кабанчика растут, продам — и куплю.

Руководитель медицинской группы покровительственно погладил ее по плечу.

Врачи ушли. Усталый Андрюша захотел лечь и уснул.

Валерий: Валь! Намного наготовила?

Валентина Павловна: Да дней пять есть будем!

Раздался шум отъезжающего автомобиля.

Валентина Павловна вздохнула: Скоро два года, как маемся! Но Андрюшу все равно на ноги поднимем!

Валерий согласно посмотрел в глаза жене. Они думали и действовали вместе, как единое целое.

Месяц сменялся месяцем. Андрюша уже самостоятельно, без посторонней помощи, выходил во двор, правда, сразу же усаживался на свою любимую скамейку. Сто-сто двадцать шагов — это была его норма.

Старался он выходить около двух часов дня в будние дни. Когда соседские ребята шли из школы.

Иногда к забору подходила третьеклассница Таечка и требовательно спрашивала.

Таечка: Андрюшенька! Ты написал мне изложение за третий класс?

Андрей молча улыбался и протягивал ей тетрадь.

Довольная девочка, залиvisto смеясь, убежала.

Андрей стеснялся самого себя, потому что от него исходил стойкий запах мази Вишневского. Если кожу головы и рук не мазать, то она начинала трескаться. И хотелось расчесывать — и так до крови. Каких-то полезных веществ в организме не хватало. А точный диагноз врачи поставить не могли.

Никто к Андрею в гости не стремился, а сам он не приглашал: знал, что все равно не придут.

На майские праздники Валентина Павловна решила сходить на кладбище. Могилы родителей проведать и на погосты Витюшечки и Наташи цветы положить.

Шли они вместе с Тамарой. Тамара немного подзапустила себя: стала выпивать, не всегда была причесана. Но Валентина Павловна не смела делать ей замечания — понимала подругу и сочувствовала ей.

Андрюша смотрел по телевизору какой-то фильм про войну. Валентина Павловна сказала сыну, что пойдет в магазин. Народ ручейками стекался к месту вечной памяти. Люди расходились по участкам.

Валентина Павловна и Тамара подошли к могиле Витюшечки, возложили цветы. Тамара присела на лавочку и застыла в немом покаянии. Она жива, а сын — нет.

Валентина Павловна машинально стала считать могилы. И вдруг в ужасе вскрикнула. На погосте «чернобыльских» детей, так называли в райцентре могилы умерших, она увидела еще одну могилу — совсем свежую. Там стояли люди, одетые в черное. Человек пятнадцать.

«Это Сема, из восьмого класса», — тихонько шепнула ей подошедшая Тамара.

Валентина Павловна подошла к скорбящим людям: Переживаю вместе с вами! Беда-то какая!

Мать Семена, еще не старая женщина лет сорока, в своем мрачном одеянии и после пережитого смотрелась старухой.

Тамара: Валь! А ведь пела в районном хоре, была солисткой! Как смерть сына ее согнула.

Женщина услышала шепот, но не поняла, о чем он. Узнала Тамару, Валентину Павловну. И скорбно кивнула.

Валентина Павловна вдруг почувствовала, что ее начинает как будто бы кружить, кружить и кружить. Она без чувств осела на землю и завалилась на бок, потеряв сознание.

Тамара закричала. Этот крик услышала Валентина Павловна и попыталась подняться, но снова упала на землю.

Народ засуетился. Валентине Павловне оказали первую помощь. Влили в рот вальерьянку, бережно отнесли ко входу на кладбище. Омыли лицо ключевой водой и дали попить.

Валентина Павловна пришла в себя, лежа на большой кладбищенской скамейке. Она осторожно, держась за рейки, присела и, почти ничего не понимая, смотрела вокруг, переводя взгляд с одного лица на другое, но никого не узнавая. Люди потрясено молчали.

Приехала «Скорая помощь». Валентине Павловне сделали внутривенную инъекцию, а потом подкожно ввели ампулу папаверина. Через несколько минут сознание стало возвращаться к ней. Она даже вспомнила имя похороненного мальчика и тихонько произнесла.

Валентина Павловна: Восьмиклассник Семен. Как же тебя угораздило!

Крупный пот заливал ей лицо. Врач «Скорой помощи» терпеливо вытирал ей лицо салфеткой до тех пор, пока ей не полегчало.

Домой она приехала на машине «Скорой помощи». Сопровождала ее Тамара.

У калитки Тамара сказала.

Тамара: Все, Валюш. Дальше иди сама. Я во двор заходить после Витюшечки не могу.

Женщины обнялись. Тамара пошла к себе, не оглядываясь. Валентина Павловна несколько минут стояла, держась за калитку, а потом ее пронзила мысль и она сказала сама себе.

Валентина Павловна: Ой! Нужно же через десять минут Андрюшечке лекарство давать!

Медленно, подобно каторжанину, у которого на ноги надеты кандалы, она дошла до ступеней крыльца и, стараясь не шуметь, тихонечко поднялась и вошла внутрь. Дала Андрюшечке лекарство, налила ему гранатовый сок, дала шанежку, а потом, сославшись на усталость, ушла в свою комнату и без сил упала на кровать. Тут же заснула.

Андрюша заглянул в комнату, увидел спящую мать и тихонько закрыл дверь — пусть отдыхает.

В конце мая 1988 года к Андрюше вновь пришла Анна Ивановна. Ни о чем она его не спрашивала, только с надеждой произнесла.

Анна Ивановна: Андрюша! Ты приходи к нам осенью, первого сентября. Ты вон поправляться стал. Уже триста шагов проходишь.

Андрюша сумрачно ответил: Анна Ивановна! До школы почти два километра — я не дойду! Это мне еще года два надо, чтобы сил набраться! Иногда справа внизу живота болит. Да так, что по часу-полтора выдохнуть не могу.

Анна Ивановна: Взрослеешь, Андрюшечка! Верю, что ты все учил и знаешь. А может, и не по одному разу учебники прочел. Да и не только их. Валентина Павловна брала книги и для домашнего чтения.

Андрей согласно кивнул.

Анна Ивановна: Сейчас я в журнале пятерки поставлю. Ты переходишь в седьмой класс. Поздравляю!

Мальчик с одной стороны был доволен, а с другой — чувство досады не покидало его.

Андрей: После аварии в Чернобыле я оказался в клетке, потом постепенно стал ходить по всему дому. Сейчас, Анна Ивановна, и ко двору привыкаю, правда, родителям помочь не могу ни в огороде, ни в сарае. Даже курочек боюсь — как бы от них чем не заразиться. А они, нахальные, все лезут ко мне. Даже из вольера вылетают. Папа их гоняет. Но сетки нет, чтобы повыше сделать.

Мальчик грустно вздохнул.

Анна Ивановна перекрестила мальчика.

Анна Ивановна: Расширим, расширим стены твоей клетки! И не только до района расширим, а до Москвы! А то и на весь мир.

Андрюша недоверчиво посмотрел на учительницу.

Андрей: Правду старики говорили: пока живешь — надейся!

Он перевел взгляд на стоящую рядом маму и увидел ее лучистые глаза.

Она была рада успехам сына и тому, что ему стало немного легче.

1 августа 1988 года.

Валентина Павловна только что проводила врачей из Брянска, которые проводили очередной осмотр Андрея. Прощаясь у калитки, руководитель врачебной группы громко сказал Валентине Павловне.

Руководитель медицинской группы: За полгода мальчик прибавил два килограмма. Это очень несущественно. Но все-таки положительные изменения есть. Улучшилась жизнедеятельность щитовидной железы. Я ее оцениваю в 40—42 процента. Увеличился гемоглобин, хотя по сравнению с нормой все равно показатель низкий. Мне кажется, что мы топчемся на месте. Может быть, устроить его в Центральную московскую больницу, что у метро «Красногвардейская»? Может быть, там эффективно помогут?

Валентина Павловна: Его туда не возьмут, потому что он не ликвидатор Чернобыльской катастрофы. Там и так все койки забиты, рассказывал мне муж. Даже в коридорах лежат. А главврач свой кабинет освободил, чтобы еще лишние пять-шесть коек поставить, а сам в ординаторской уголок себе выгородил.

Руководитель медицинской группы: Наши возможности исчерпаны. Будем поддерживать, но прорывая я не чувствую. Не можем же мы дойти до той ситуации, когда в ваш райцентр уже и приехать не придется.

Валентина Павловна вся сжалась: Простите, доктор! А никаких тревожных симптомов нет? А то вы сейчас так сказали...

Руководитель медицинской группы: Улучшения настолько микроскопические, что я ничего гарантировать не могу. Единственное — это стабильность очень низкого уровня. Думайте сами. Я тут слышал, что собирается какая-то коллегия Минздрава обсуждать очередные итоги. Может быть, вам попробовать?

Валентина Павловна достала тетрадку, и он продиктовал несколько телефонов и адресов.

15 августа 1988 года. Раннее утро.

Валентина Павловна едет в самом раннем поезде, который идет на Москву. В ее объемистой сумке ксерокопии медицинских документов сына: от первых симптомов, проявившихся во второй половине дня 27 апреля 1986 года, и по 1 августа 1988 года включительно.

Она не выспалась. Едет в общем вагоне, чтобы было подешевле, но бодрится, не спит. И про себя все время повторяет: «метро Кузнецкий мост». Спуститься вниз к Рахмановскому переулку. Министерство здравоохранения СССР. Я записана на прием к министру. Прием с четырнадцати часов. Мой номер третий. Спецочередь. Фамилия министра Чазов Евгений Иванович. Недавно назначен. Очень совестливый, доброжелательный человек».

Постепенно светает. По радиотрансляции звучит песня:

*Вместо беседы в купе
Я предпочту вспоминать.
Как, без мечты заглупев,
Удачу стал сухой сминать.
И только протяжный гудок
Поможет мне грусть отпустить,
Зазывность железных дорог
Проверена счастьем в пути.*

В это время поезд резко тормозит и раздается разраженный голос машиниста: «Это кто там со стоп-краном балуется? Двери я никому не открою! А вот кое-что начистить могу!»

Валентине Павловне вдруг стало весело и она еле слышно прошептала про себя: Будет у меня счастье, будет!

Поезд медленно стал набирать ход.

13 часов.

Валентина Павловна заходит в главный вход Министерства здравоохранения СССР. Выглядит она простовато, охранник свысока оглядывает ее и говорит.

Охранник: Что вам надо, гражданка?

Валентина Павловна: Меня министр приглашал, встретиться хочет.

Охранник (не сдерживая смеха): Прямо к вам так с челобитной: приедьте ко мне на прием?

Валентина Павловна понимает, что над ней насмеяются, и жестко говорит.

Валентина Павловна: Видите, мне пропуск выписали. Я хочу пройти в приемную министра!

Охранник тушует. Но пытается держать фасон.

Охранник: Еще рано! Ждите здесь! Да и министр еще не подъехал.

В это время в вестибюль заходят четверо мужчин и две женщины. Охранник подобострастно обращается к ним.

Охранник: Пожалуйста, товарищ министр! Пожалуйста, члены коллегии! Проходите! Приветствую вас!

Валентина Павловна по-детски придерживает дородного мужчину с интеллигентным лицом за рукав и полуспрашивает-полуутверждает.

Валентина Павловна: Извините меня! Вы и есть Чазов Евгений Иванович!

Мужчина поворачивается к ней и видит перед собой расстроенную взволнованную женщину.

Валентина Павловна видит, что он не раздражен, не высокомерен, а просто удивлен.

Евгений Иванович Чазов: Да, я и есть Евгений Иванович Чазов. У вас ко мне дело?

Сопровождающие его члены коллегии Минздрава добродушно улыбаются.

Валентина Павловна (волнуясь): Я к вам из райцентра Брянской области по направлению. Вот у меня пропуск. Вы меня примете? А то ваш охранник вон какой сурьезный! Говорит, что пока два часа не будет, никого не пропустит.

Валентина Павловна разнервничалась и чуть не плачет. Заметив это, Евгений Иванович участливо приобнимает ее за плечи и говорит.

Евгений Иванович Чазов: Пройдемте с нами. Чайку попьете. Историю свою расскажете.

Словно попав под его гипноз, Валентина Павловна послушно идет с ним и входит за ним в его кабинет.

Заседание коллегии Минздрава.

В приемной множество людей. Выходит строгий молодой мужчина лет тридцати и называет фамилии. Люди сменяют друг друга, а Валентину Павловну все не вызывают. Время уже пятый час вечера, а она полседьмого должна уже быть в поезде, чтобы ехать обратно. А еще надо попасть на Киевский вокзал.

Наконец вызывают и ее.

Евгений Иванович (обращается к членам коллегии): Товарищи! Мы сейчас ведем переговоры с несколькими странами и пытаемся скомплектовать группы наиболее тяжелых детей. Предлагаю в первую пятерку включить Андрея Валерьевича Наумова, 1976 года рождения. Ему поставлены следующие диагнозы, вызванные радиацией после Чернобыльской катастрофы...

Его с почтением выслушивают и единогласно голосуют.

Евгений Иванович Чазов (обращается к Валентине Павловна): У нас еще три человека на приеме, а потом вам выпишут документ. Копию мы пошлем в Брянск. Но вы еще проверьте сами, приедьте в облздрав. В нашей специальной аптеке выдадут лекарства. Так что хватит на полгода.

Валентина Павловна (ахает от благодарности): Как же я такого маленького куда-то за границу отпущу!?

Евгений Иванович Чазов: Ну, матушка! Переживать не надо! Вылечим мы вашего брянского партизана! Здоровым будет! Еще на несколько дней пригласим в Москву, чтобы уточнить диагноз и подготовить все формы для иностранных врачей согласно утвержденной методике. А вы его будете сопровождать в столицу.

Валентина Павловна (вспоминает): Ой, у меня же поезд меньше чем через полтора часа. А мне еще надо до Киевского вокзала доехать.

Евгений Иванович Чазов: Давайте ваш билет! *(Вызывает помощника):* Поменяй те этот билет на вечерний поезд. Вот Вам деньги.

Валентина Павловна (едва не плача): Что вы, что вы! У меня свои деньги есть!

Евгений Иванович Чазов: Все, матушка! Разговор исчерпан! Ожидайте в приемной. Кстати, угоститесь там бутербродами и кофе. И ждите.

Помощник вернулся минут через сорок. Передал Валентине Павловне билет на вечерний поезд, отбывающий из Москвы около полуночи.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Ой, меня же муж потеряет! Свекровь! Сын волноваться будет.

Помощник: У вас есть дома телефон? Назовите номер.

Валентина Павловна называет номер. Помощник тут же набирает номер и передает трубку Валентине Павловне. Трубку берет сын.

Андрей: Наумов Андрей Валерьевич у аппарата! Говорите!

Валентина Павловна (сладостно замирает): Сыночек! Это я. Я в Москве. Выеду поздно. Рано утром буду дома. Прими лекарства по графику, разогрей ужин. Пусть папа тебе поможет. И ложитесь отдыхать. Я буду утром около восьми часов. Сразу доберусь домой. У меня столько новостей!

Помощник министра, видя ее радость, улыбается.

Валентина Павловна передает ему трубку и взглядом благодарит.

Помощник: Пойду доложу министру, что его поручение исполнено.

Валентина Павловна благодарно смотрит ему вслед.

1 января 1989 года.

Валентина Павловна вместе с семьей и свекровью празднует новый год. Встает и говорит тост. В бокале у нее лимонад.

Валентина Павловна: За выздоровление Андрея! Пусть в наш дом вернется счастье!

Все чокаются сладкой газировкой.

Валерий: Двух кабанчиков забили. Осталось три кролика. Денег очень мало.

Валентина Павловна: После новогодних праздников пойду искать работу. Может, все-таки возьмут куда. Правда, профессия у меня тяжелая для трудоустройства. Была лаборантом на элеваторе.

На несколько минут замолкает.

Андрей: Мам! Ты любую работу сможешь делать! Папа говорит, что ты десяти-жилльная. А бабушка на тебя не нарадуется.

Валентина Павловна выходит из-за стола, со спины обнимает маму-свекровь и сына, и слезы счастья текут по ее щекам.

Валентина Павловна: Раз утешаете, значит любите! Ни в ком из вас я никогда не сомневаюсь! А давайте споем наш «Железнодорожный вальс».

В четыре голоса затягивают:

А пассажиры живут:

В тундре, степи и лесах.

Судьбы их рельсы завьют
В жизненный ход на часах.
Звуки часов и колес:
«Метр-секунда» отсчет,
Поезд в то место привез,
Как предсказал звездочет.
Припев: Вагонных колес перестук
Будто судьбы молоток,
Ритмично-загадочный звук
Сквозь рельс бесконечных моток.
Этот моток размотать
Не довелось никому.
Чтоб тайный стук разгадать,
Жизнь посвети полотну.

Песня окончена. Все радостно смеются и аплодируют.

Матрена Николаевна: За новый год выпили. Подарки подарили. А сейчас давайте в лото играть. Я лотошница знатная.
Все смеются.

Февраль 1989 года. 6 часов утра.

Валентина Павловна складывает в пятнадцать судочков картошечку, лучок, по несколько кусочков колбаски, по ломтику хлеба и защелкивает пластиковые судочки. Просыпается муж.

Валерий: Ты чего это с сумкой колдуешь? Куда собралась?

Валентина Павловна: Я расписание посмотрела. Между семью и десятью часами шесть поездов пройдут. Вот решила по полтора рубля торговать.

Муж (усмехается): Ну что, Валюшка! С почином. Я видел, как старушки на перроне торгуют.

Валентина Павловна, одевшись в телогрейку, валенки, накинув сверху белый платок-паутинку, вдруг говорит.

Валентина Павловна: Валер! У тебя на антресолях старая удочка лежит. Без лески и без крючков. Я, если чего, в окна стучать буду.

Валерий, жалея жену, забирается на табурет, находит удилище, складывает его и протягивает жене.

Валерий: Придешь, осмотришься, вытяни удилище и... давай!

Валентина Павловна благодарно целует мужа и выходит во двор.

Почти не светает. Ранний рассвет. Валентина Павловна Наумова идет на вокзал.

Без десяти семь утра. На перроне стоят только несколько старушек. Они с подозрением оглядывают Валентину Павловну, но ничего не говорят. Она выбирает место, встает.

Подходит поезд. Раздается голос дежурной: «Стоянка поезда 15 минут!»

Откуда-то еще появляются несколько женщин. Валентина Павловна подходит к седьмому вагону и стучит в несколько окон. Она берет пример с других женщин.

Несколько человек покупают у нее. В итоге сразу продала четыре судочка.

Мимо проходит какая-то бабушка, загребая ногами. Она явно хочет ударить по сумке Валентины Павловны. Валентина Павловна отодвигает сумку и бабушка, не вписавшись в вираж, начинает заваливаться набок. Валентина Павловна удерживает ее и беззлобно спрашивает.

Валентина Павловна: Что ж вы, бабушка, с утра-то? Нехорошо выпивать.

Старушка поворачивается к ней. Валентина Павловна видит совершенно трезвое лицо, злобное выражение которого вызывает у нее изумление.

Старушка: Что, Валуха! На перрон пришла? Деньги загрэбать? Быстро отсюда, сволота!

Валентина Павловна: Я вас не знаю, почему вы себя со мной так ведете? Где хоч, там торгую. Вам-то какое дело?

Старушка: Щас узнаешь, какое. И вдруг резво убегает от Валентины Павловны. Проходят еще два состава. Валентина Павловна довольна. Продала уже одиннадцать судочков. Осталось четыре. Несколько раз вспоминала об угрозе бабушки и про себя улыбнулась: какая старушенция!

Вдруг ее кто-то сзади бесцеремонно дергает за локоть левой руки.

Неизвестный голос: Ты чего это чужое место заняла, поганка! Лабуду мне не разводи, а то сейчас промеж глаз дам! То, что накрала — твое. А с остальным мотай отсюда!

Валентина Павловна оборачивается и видит перед собой закутанное женское лицо. Женщина здоровая, крупная.

Валентина Павловна (думает про себя): Такая точно промеж глаз даст.

Вдруг ее лицо кажется Валентине Павловне знакомым. Неожиданно она видит смущение во взоре грубящей ей женщины. Еще мгновение — и женщина обнимает ее и буквально кричит от счастья.

Женщина: Валя! Кузнецова! Вожатая наша!

Этот звонкий голос знаком Валентине Павловне. Через несколько секунд и она вскрикивает:

Валентина Павловна: О, Люда! Из четвертого «Б»! Командир звездочки!

Несмотря на холод, они целуются и слезы счастья появляются у них на глазах.

Старушка, которая привела Люду для разборки, мгновенно исчезает.

Несколько старушек с огромным интересом наблюдают за ситуацией.

Людмила: Запомните, бабки! И всем передайте по сменам! Здесь Валя всегда будет торговать, когда захочет. В любое время и в любой день. Все понятно?

Одна из бабушек покорно и льстиво: Мы все уразумели, Людуха! А ее мальчишку знаем, и ее тоже. Который от радиации все мучается-то и до сих пор не помирает.

Лицо Валентины темнеет от обиды. Но она не успевает ничего сказать, вмешивается Людмила.

Людмила: Попридержите язык, старперки! А то щас быстро выкину отсюда!

Она успокаивающе гладит Валентину варежкой по щеке, смахивая выступившие слезы.

Людмила: Валь! Сколько уж мы с тобой не виделись, как ты школу кончила?

Валентина Павловна: Люда! Я десять классов кончила, а ты в седьмой перешла. Потом уж я уехала в Брянск, учиться на лаборанта в техникум хлебобулочной промышленности. Проучилась десять месяцев, устроилась на элеватор. В 24 года замуж вышла. Заочно училась в Москве, в Пищевом институте. На третьем курсе взяла академический. Потом вот Андрюшу родила. Да-а! Почти двадцать лет прошло.

Женщины снова обнялись.

Валентина Павловна: А ты как, Люда?

Людмила: А я, Валя, после восьми классов в ПТУ пошла. В 18 лет двойняшек родила. Сейчас им по пятнадцать лет. Свекор-то у меня начальник станции. Вот я тут как бы и пристроилась. Он не знает, что я потихоньку шабашу — старушки мне подплачивают, а я их охраняю. Жить-то надо. Работы нет. А так — рублей 100—120 в месяц набегает. Если чё — свекор всегда мне защита. Правда, ему через два года шестидесять будет. Вот бы еще потрудился. А то спихнут — молодые вон какие!

В этот момент подошел еще один поезд. Людмила, задорно свистнув, кричит выходящим пассажирам.

Людмила: Эй, братва! Налетай! У Валухи покупай! Съешь судочек — будешь сыт часочек.

Валентина смеется, услышав такую присказку. А пассажиры, несмотря на морозец, начинают делать покупки.

Валентина Павловна: Люд! У меня сумка пустая. Пойду домой. Сейчас сын пронется. Мужа покормлю.

Людмила: А, пошли домой (*машет рукой*).

Идут до перекрестка. Валентине Павловне надо налево, а Людмиле — идти прямо. Откуда ни возьмись, появляется злобная старушка. Она виновато смотрит на Валентину Павловну и говорит.

Старушка: Валух! Ты не сердчай на меня! Я ж не знала, что ты Людмилу воспитывала в детские годы!

Валентина Павловна и Людмила смеются.

Людмила (примиряюще): Это бабушка Казакова. Ей 75 лет. Она с твоей свекровью соседствует. У них огороды рядом. Все злится на всех. Одинокая. Мне ее жалко. Когда-то она была учительницей начальных классов у моего свекра. Мы не возражаем — пусть приторговывает.

Старушка заискивающе кивает Людмиле.

Валентина Павловна предлагает: Люд! А помнишь, как мы всегда прощались на этом перекрестке, когда со школы шли после уроков или классного часа?

Людмила улыбается. *Они обе сгибают руки, прикасаются, в виде салюта, и хором говорят:* Комсомольско-пионерская дружба нерушима!

Со стороны это смотрится необычно, но женщины не обращают на это внимание — им хорошо!

Валентина Павловна шла домой счастливая, во всем теле ощущала легкость, несмотря на хмурый морозный день. Возле калитки своего дома она увидела женщину средних лет, одетую в старомодное пальто с узким песцовым воротником. Из-под каракулевой шапки выбивались рыжеватые волосы.

Это была Люсьена, жительница города Шуя Ивановской области. Женщины, почти ровесницы, поприветствовали друг друга.

Валентина Павловна: Давно ждете? Я только когда вас увидела, вспомнила, что мы договорились о встрече.

Люсьена: Да минут пять-восемь. Забынуть еще не успела. Но я в звонок не звонила, как вы и сказали, чтобы сына не тревожить.

Валентина Павловна благодарно кивнула.

Зашли в дом. Валентина Павловна помогла Люсьене занести объемистую сумку на колесиках. Люсьена зашла на кухню, немножко отогрелась. Валентина Павловна угостила ее чаем с домашними пирожками.

Люсьена радостно сообщила: Вот вам четыре комплекта постельного белья отдам, потом доберусь до перрона, оставшиеся три сторую — и домой! Дочек-близняшек уже пять дней не видела, соскучилась очень!

Валентина Павловна: А на каком поезде в Москву поедете?

Люсьена: На двухчасовом проходящем, если все успею распродать.

Валентина Павловна (энергично взмахивает рукой): Люсьена, я у вас все семь комплектов возьму. Мне сегодня приработок подоспел. Деньги руку жгут.

Люсьена благодарно заулыбалась.

Женщины несколько минут пили чай.

Валентина Павловна: Как-никак, вы — моя палочка-выручалочка на протяжении

почти трех лет. Если бы я в магазине покупала — разорилась бы. А у вас не только в полены, да еще и домой привозите.

Люсьена: Люди должны идти друг другу навстречу. А нам уже два года на работе почти всю зарплату постельным бельем выдают. Вот я две недели тружусь у станка, а потом две недели продаю. Дети меня урывками видят. А близняшкам-то моим уже пятнадцатый год идет — самый возраст переходный. Следить надо, чтоб девчонки правильными выросли.

Люсьена поблагодарила, оделась и вышла. А Валентина Павловна стояла у окна, смотрела ей вслед, пока та закрывала калитку, и сказала негромко сама себе.

Валентина Павловна: Что-то неправильно в нашей стране. Как бы не развалилось государство. Везде люди живут трудно, с надрывом. Вечно так продолжаться не может. У меня одно горе, у Люсьены — другое. Все, что создаем, сами же и продаем. Какое-то натуральное хозяйство в государстве. Каждому рублю радуешься. А заработать не дают.

Вдруг она услышала нечеткие шаги за спиной. Обернулась. Из своей комнаты вышел Андрюша.

Андрей: Мама! А где ты была так долго? Я уже встал, зарядку сделал, позавтракал, посуду помыл. Немного учебник почитал по географии, потом решил отдохнуть. А вот слышу, что ты с кем-то разговариваешь — подумал, что это бабушка наша с богомолья вернулась.

Валентина Павловна (с любовью глядя на сына): Сынок! Я смотрю, ты уже сам уверенно ходишь. Значит, здоровья в тебе прибавляется. А бабушка вернется с богомолья только через три дня. Все просит Господа, чтобы тебе полегчало и ты выздоровел.

Сын прижался к матери, она с горечью заметила, что он почти не вырос, хотя ряд его ровесников в райцентре уже почти вровень с ней. А Андрюшечка ей даже до подбородка не достает.

Андрей: Mam! Пойду к себе в комнату. Через десять минут кинофильм хороший начнется по телевизору. Нет, сначала похожу по квартире, а то всего сто шесть шагов с утра прошел.

Он пошел в коридор, потом на кухню, потом вернулся обратно в большую комнату, затем прошел в комнату родителей, потом — в свою. И так сделал несколько раз. Валентина Павловна внимательно следила за ним и беззвучно шевелила губами.

Андрей: Mam! Сколько шагов насчитала?

Валентина Павловна: К тем твоим еще восемьдесят три.

Андрей: Mam! Ошиблась! На два меньше. Не сто восемьдесят девять шагов, а сто восемьдесят семь. Но я за день теперь уже четыреста шагов прохожу.

Довольная упорством сына, Валентина Павловна поцеловала его в щеку. Мальчик зарделся от удовольствия. Подобный знак внимания был ему очень приятен.

День шел за днем, неделя за неделей. Валентина Павловна не меньше двух раз в день без выходных ходила к поездкам. Материальное положение немного поправилось.

Вернулась с богомолья бабушка. И два раза в неделю, по средам и пятницам, приходила к ним домой, усаживала Андрюшу на стул и ходила вокруг него, что-то нашептывая. Время от времени к его ногам она бросала гречишную шелуху.

Андрюша терпеливо сносил бабушкины действия.

Как-то он сказал маме.

Андрей: Mam! Бабушка же тоже старается ради меня. И верит в это. А может, и правда, есть какие-то потусторонние силы, которые плохое у меня заберут, а хорошим мою душу наполнят. Я хоть и пионер, но тоже верю в Бога.

Валентина Павловна (вздыхнула): Андрюшечка! Понемногу, правда, очень медленно, но судьба поворачивается к нам лицом, а не спиной. Вот и работа у меня появилась постоянная, и Люду подшефную встретила, и у тебя, слава Богу, кровотечений уже полгода нет. И ходить ты стал все больше. А в приворотях сила божественная есть. Видишь, бабушка с одного богомолья, да на другое — тебе здоровье вымалывает.

Андрюша согласно кивнул матери.

Андрей: Mam! Я тебе обещаю, что к 1 сентября буду тысячу шагов делать.

Мама доверчиво покивала сыну.

25 апреля 1989 года. 10 утра.

В доме Наумовых раздался телефонный звонок.

В соответствии с негласной семейной договоренностью к телефону всегда подошла Валентина Павловна. А в этот раз она замешкалась на кухне, и трубку взял Валерий. Он послушал минуту и сказал.

Валерий: Хорошо. Завтра она обязательно будет.

В комнату вошла Валентина Павловна, вытирая о передник руки.

Валентина Павловна: Валера! С кем это ты разговаривал? Куда это я должна придти? Что-то тревожно мне стало.

Валерий: Тебя приглашают в районный комитет партии, к первому секретарю товарищу Баклажкину.

Валентина Павловна: Баклажкин-Баклажкин... А не Сергей ли?

Валерий: Я не знаю имени. Со мной говорила женщина с неприятным резким голосом в ультимативной форме. Сказала, чтобы ты взяла с собой паспорт.

Валентина Павловна: Хорошо. Я пойду завтра. Но времени-то у меня будет мало, потому что в полпервого я уже должна буду кормить обедом Андрюшечку.

Валерий: Я с сыном посижу — вдруг ты задержишься. А ты походи пораньше — может быть, раньше пригласят.

Валентина Павловна (грустно усмехаясь): Может, мне райком партии работу нашел? А то я уж три года безработная. Или кто-то меня на перроне увидел, застыдился. А я довольна своей жизнью. Главное — сына поднять.

26 апреля 1989 года.

По улице райцентра идет Валентина Павловна. Несколько знакомых кивают ей и стараются побыстрее пройти мимо, не сближаясь.

Валентина Павловна (говорит негромко сама себе): Да-а! Видно, я какая-то прокаженная! Люди-то меня избегают. Только в магазине одна продавщица тетя Лера всегда говорит: «Какие деньги от кого только в руки не брала, а все живу и здоровею».

Валентина Павловна представила перед собой продавщицу — крупную женщину килограммов под 100. Невысокую, но очень жилистую. Она легко поднимала тридцатикилограммовые ящики с трехлитровыми банками огурцов.

Незаметно дошла до райкома партии. Охранником оказался сосед Василий — мужчина лет 45 — жил в доме наискосок. Поулыбались, раскланялись. Затем для порядка Василий сказал.

Василий: Документы ваши проверил, поднимайтесь в приемную на второй этаж.

Едва Валентина Павловна сделала несколько шагов по лестнице вверх, как появилась какая-то худая крашенная блондинка и недовольно сказала охраннику.

Блондинка: Пусть посетительница подождет — внизу постоит. А без трех минут одиннадцать пусть поднимается наверх.

Валентина Павловна растерялась: так пренебрежительно с ней никто никогда не

говорил. Она почувствовала себя здесь ненужной. Но помощь неожиданно пришла от Василия.

Василий: Уж не обессудьте, Екатерина Станиславовна! Вы — начальник канцелярии, помощник первого секретаря райкома партии. Но если я человека уже пропустил, то он должен пройти и сесть в приемной — ожидать. Да и осталось ожидать всего пятнадцать минут. А здесь у входа — ни стула, ничего. Что ж мы людей-то не уважаем.

Женщина что-то недовольно буркнула и быстро поднялась по лестнице, скрывшись в коридоре.

Валентина Павловна благодарно улыбнулась Василию. А он, в свою очередь, одобряюще кивнул ей: мол, какими бы ни были люди, а мы — соседи, друзья на всю жизнь.

В приемной молоденькая девушка-секретарь сконфуженно улыбнулась Валентине Павловне. Она ее знала. Это была Танечка, которая в прошлом году окончила школу, принимала ее Андрюшечку в пионеры. Танечка, насколько помнила Валентина Павловна, поступила в Брянский пединститут на заочное отделение и заканчивала первый курс.

Валентина Павловна: Танечка, здравствуй! Как учеба? Скоро на сессию?

Танечка (разулыбалась): Садитесь на диван, Валентина Павловна — там вам будет удобнее. А с учебой у меня все хорошо. первую сессию сдала на одни пятерки. В конце марта ездила на установочную — на 10 дней. Жила в общежитии, мне все понравилось. И вот второй семестр заканчиваю.

В приемную вошла крашеная блондинка. Она высокомерно обратилась к секретарю.

Блондинка: Татьяна! С посетителями нельзя разговаривать, можно только отвечать на вопросы, относящиеся к приему. Я делаю вам замечание.

Валентине Павловне стало неприятно, что она невольно подставила Танечку. Но Татьяна сама могла постоять за себя.

Татьяна: Екатерина Станиславовна! Согласно штатному расписанию, я непосредственно подчиняюсь только первому секретарю райкома партии товарищу Баклажкину Сергею Поликарповичу. Поэтому прошу замечания мне не делать.

Блондинка: Хорошо. Вам сделает замечание сам первый секретарь.

Она на негнущихся ногах, цокая высокими каблуками, прошла, бесцеремонно открыла дверь.

Через несколько секунд в приемную вышел Баклажкин. Посмотрел презрительно на Татьяну и сказал.

Баклажкин: Не смейте ссориться с сотрудниками. Тем более, что они старше вас по возрасту. Я указываю вам на ваш промах.

Валентина Павловна встала с дивана и сделала несколько шагов навстречу Баклажкину, стремясь затушить неловкую ситуацию.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Сергей! Я надеюсь, вы меня помните — мы учились в параллельных классах.

Баклажкин отлично помнил Валентину Павловну, но нужно было держать фасон. Он повернулся в ее сторону и сказал.

Баклажкин: Здравствуйте, посетительница! Через три минуты прошу вас пройти ко мне в кабинет.

Потом повернулся и гордо прошествовал к себе, прикрыв обе двери.

Татьяна весело посмотрела на Валентину Павловну и прыснула.

Татьяна: А все-таки замечание сделал! Знает, какая у нас Екатерина Станиславовна! Из ничего может скандал раздуть.

Валентина Павловна подмигнула ей, потом посмотрела на часы и пошла открывать дверь в кабинет первого секретаря. На мгновение задержалась и прочитала претенциозную табличку на двери: «Коммунистическая партия Советского Союза. Баклажкин Сергей Станиславович, первый секретарь районного комитета Брянской области, РСФСР».

Танечка едва не рассмеялась.

Танечка: Валентина Павловна! Раньше вообще была другая надпись. Только фамилия, имя и отчество. А как Баклажкина два года тому назад избрали первым секретарем райкома, так и начали внедрять всякие причиндалы: трехцветные номерные бланки, поменяли таблички, купили две новые «Волги». Он же у нас еще одновременно и районный совет возглавляет. Многодолжностный руководитель. Валентина Павловна! Вы с ним поосторожней! Говнистый мужичонка!

Валентина Павловна: Да я его еще по школе знаю! Тот еще был карьерист. С ним в классе даже ребята почти не дружили — так, общались... А он, будучи секретарем комитета комсомола школы, каждый раз какие-то мероприятия придумывал. И все пустое, зато он был впереди и всегда открывал.

А слова-то какие были: симпозиум, конференция, молодежный семинар. До четырех-пяти вечера из школы не уходили.

В это время часы в приемной стали бить. С одиннадцатым ударом Валентина Павловна зашла в кабинет Баклажкина.

Он предупредительно вышел к дверям, первым протянул ей руку и отеческим тоном произнес.

Баклажкин: Здравствуйте, Валентина! Лет двадцать не виделись после окончания школы. Так, иногда промелькнете где-то — и все. Я не захотел при секретаре показывать, что мы знакомы.

Валентина Павловна, еле сдерживаясь: А вот посторонняя дама здесь. При ней можно?

Баклажкин растерялся. И недовольным тоном произнес.

Баклажкин: А вы по-прежнему такая, как и в школе. Если что не так — то сразу правду-матку режете. Но надо уметь приспособливаться, Валентина Павловна! Присаживайтесь, пожалуйста!

Он указал ей место за большим столом, а сам демократично устроился напротив. Через два стула от него сидела помощник первого секретаря.

Баклажкин: Теряетесь в догадках, почему я вас пригласил, Валентина Павловна? Валентина Павловна внимательно посмотрела на него.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Понятия не имею и ни о чем не думала.

Баклажкин обиделся.

Баклажкин: Ну, раз вы так официально, то и мы будем официально.

Он испытывающе посмотрел на Валентину Павловну, думая, что своим взглядом смутит ее. Но она спокойно смотрела на него.

Баклажкин продолжил: Тут нам в очередной раз из обкома партии позвонили. Вы все письма в разные инстанции пишете. Наш район по этому показателю считается неблагополучным. Я понимаю, что у вас в семье драма, ребенок на последнем издыхании, но это не дает вам право подводить район. Общественное нужно ставить выше личного. А вы даже в ЦК партии написали о том, что вашего сына плохо лечат и не могут излечить.

Валентина Павловна: Вцепилась бы я в твою дыплячью шею, Баклажкин! И выгрызла бы твой кадык! Но не буду этого делать. А дома у меня не драма, а сложная ситуация. И сын у меня не на последнем издыхании, он выздоравливает, но очень медленно. Как вам не стыдно!

В разговор вмешалась Екатерина Станиславовна.

Екатерина Станиславовна: Вы хоть понимаете, где вы находитесь? Это райком партии, а не лавочка, где люди могут сцепиться друг с другом. Ведите себя соответственно.

Валентина Павловна вспомнила предупреждение Танечки и даже не повернулась в сторону говорившей. Чтобы не разнервничаться, она внимательно посмотрела на галстук Баклажкина, отметив про себя, что узел завязан безупречно. Два раза вздохнула и обратилась только к нему.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Вы меня пригласили проработать? Так я не член партии. Я сейчас встану, повернусь и уйду. А если вы меня пригласили поинтересоваться, какие у меня трудности, то я могу продолжить с вами беседу. Но только один на один. Мне посторонние здесь не нужны.

Баклажкин (разозлившись): Я вас пригласил сюда как жительницу нашего района. Вы пытаетесь дискредитировать общественность и район в целом своими жалобами. Я предлагаю вам прекратить это.

Валентина Павловна (гневно): Товарищ первый секретарь райкома партии! Я никому не жалуясь. Я обращаюсь только в органы здравоохранения, а также в партийные и советские организации, которым необходимо взаимодействовать с медицинскими учреждениями. Я не жалобы пишу, а заявления. Чтобы к моему ребенку было надлежащее внимание.

Баклажкин побарабанил пальцами правой руки по полированной столешнице.

Баклажкин: Значит, вы признаете, что вы обращались в разные организации? И сколько раз это было?

Валентина Павловна (еле сдерживая возмущение): Сегодня как раз три года со дня чернобыльской катастрофы. До сих пор нам многое не сказано. Все обещают направить детей за границу на лечение. То договориться не могут, то валюты нет. То еще что-то придумывают.

Баклажкин (перебивает ее): Но ваш-то ребенок пока жив! Терпите.

Валентина Павловна: Что я должна терпеть? Чтобы он остался инвалидом на всю жизнь и не мог обслуживать со временем и сам себя?

Баклажкин: Ему же присвоили вторую группу инвалидности и платят шестьдесят девять рублей в месяц. Вам что, мало?

Валентина Павловна, уже не сдерживая себя, ложится грудью на стол и приближается к Баклажкину. Он в испуге отшатнулся.

Валентина Павловна: А ты знаешь, Серега, сколько стоят лекарства в месяц? А ты знаешь, что я каждые два дня кормлю ребенка куриной печенью? А ты знаешь, сколько стоят массажи, через два дня на третий — по три рубля пятьдесят копеек плачу за каждый. А ты знаешь, сколько постельного белья нам пришлось поменять? А ты знаешь?..

Она не договорила и раскашлялась.

Баклажкин положил ладонь на стол, хлопнул два раза.

Баклажкин: Не нервничай, Валентина! Давай договоримся раз и навсегда. Ты больше жалобы не пишешь, а мы пришлем к тебе еще раз районного педиатра и, кстати, ты ходишь торгуешь — тебя же можно привлечь за самовольную торговлю.

Валентина Павловна (встала): Я буду делать то, что считаю нужным. Я ничего не нарушаю. А вам должно быть стыдно. Вы же первый секретарь райкома партии, а о людях совсем не думаете. Когда мой сын выздоровеет, я подойду к вам и публично плюну под ноги. Вы не тот человек, который должен находиться на этой работе.

Баклажкин вытаращил глаза и с изумлением снизу вверх смотрел на Валентину Павловну.

В это мгновение из кабинета выскочила Екатерина Станиславовна, затем выбежала из приоткрытой в коридор, перегнувшись через перила и истошным голосом завопила.

Екатерина Станиславовна: Василий! Василий! Избивают первого секретаря райкома партии! Помоги! Милицию вызови.

Через десяток секунд в кабинет вбежал Василий. Растерянный Баклажкин сидел на стуле, а через столешницу от него стояла Валентина Павловна и что-то гневно говорила.

При виде охранника Баклажкин приосанился. Встал, прошел по кабинету за свой стол и сказал.

Баклажкин: Валентина Павловна! Я понимаю ваше материнское сердце! Я вам искренне сочувствую. Но, пожалуйста, пусть эта беседа не пройдет для вас бесследно. Потому что наше терпение может быть долгим, но не безграничным.

Валентина Павловна молча вышла из кабинета. Слезы стояли у нее в глазах. Танечка привстала со своего места, но не успела ничего ни сказать, ни сделать. Валентина Павловна стремительно спускалась по лестнице.

Перед тем как выйти и открыть дверь, она услышала со второго этажа визгливый голос Екатерины Станиславовны.

Екатерина Станиславовна: Хамка! Сволочь! Как ты посмела угрожать первому секретарю райкома партии! Мы тебя под товарищеский суд отдадим.

Валентина Павловна посмотрела на часы. Было около полудня. Она быстрым шагом пошла к остановке автобуса, чтобы успеть вовремя доехать до дома. Она ни на мгновение не забывала о сыне. А в 12:30 надо было давать очередные таблетки, а затем кормить его обедом. Она помнила слова Евгения Ивановича Чазова: «Валентина Павловна! Только безупречная дисциплина по соблюдению режима поможет содействовать выздоровлению вашего ребенка. Помните, пожалуйста, об этом! Все лекарства давать, производить процедуры в строго установленное время и обеспечивать надлежащее питание. Чего бы это вам не стоило и какие бы затраты вы не несли».

Перед тем, как войти в дом, она достала платок, вытерла лицо и стерла помаду с губ. Сын ничего не должен видеть и чувствовать. С ним всегда его преданная любящая мать.

26 мая 1989 года.

В гости к Наумовым пришла принаряженная Анна Ивановна. Родители и Андрей собрались в гостиной. Матрена Николаевна хлопотала на кухне, готовя праздничный обед.

Анна Ивановна: Андрюша! У меня для тебя три хороших новости и ни одной плохой. Прежде всего, Андрей Валерьевич, поздравляю: единогласным решением педагогического совета нашей школы вы переведены в восьмой класс.

Валерий заплодировал. Валентина Павловна скромно сложила руки на коленях и ждала дальнейших новостей.

Анна Ивановна: Во-вторых, мне поручена торжественная миссия вручить тебе почетную грамоту за победу в областной олимпиаде по зоологии. Помнишь, ты писал специальный реферат о животных семейства кошачьих?

Андрей утвердительно кивнул.

Анна Ивановна: Со всей области было около восьмидесяти работ и тебе, семикласснику, присудили первое место. А ведь были и старшеклассники тоже. Тебя рекомендовали для участия в республиканской очной олимпиаде по зоологии. Она пройдет в июле, дата пока не утверждена, во Всероссийском лагере «Орленок». На школу также пришла премия — 500 рублей. Мы долго думали и решили половину этой суммы передать Валентине Павловне. А остальные деньги пойдут на школьные нужды.

Андрей (довольно улыбаясь): Мама! Папа! Вот видите! И я уже вашим помощником становлюсь. Зарплату получил. Принимаю деньги, расписывайся в ведомости, мама.

Валентина Павловна: Не в деньгах дело, сынок. А в том, что ты уже приносишь всем пользу. И нашей семье тоже.

Затем состоялся праздничный обед, в котором приняла участие и Анна Ивановна. Она загадывала загадки Андрею, а тот с удовольствием отвечал. Всего один вопрос вызвал у него затруднение: сколько когтей на лапах у тигра? Все внимательно посмотрели на Анну Ивановну.

Она смеясь ответила.

Анна Ивановна: Это шуточный вопрос. Ответ звучит так: нужно подойти к тигру, поочередно взять его за четыре лапы и сосчитать все когти.

Валерий: Я бы так отвечать не стал.

Все вышли провожать Анну Ивановну до калитки. Она обратила внимание на то, что Андрей вышел уверенно, почти не покачивался, и сам, не держась за перила, спустился по ступеням крыльца.

20 ноября 1989 года.

Пришла почта. С робостью протянула Валентине Павловне большой конверт, на котором была наклейка «Правительственная почта».

Когда Валентина Павловна расписалась в получении, девушка сказала.

Почтальон: Первый раз в жизни такое письмо вижу. Интересно, а что там?

Валентина Павловна достала ножницы и аккуратно распечатала конверт. В нем было два листа. На первом было личное письмо министра здравоохранения Евгения Ивановича Чазова, адресованное ей.

Валентина Павловна (читает вслух): Уважаемая Валентина Павловна! Наконец-то нам удалось заключить соглашение с Республикой Куба на массовое излечение детей и некоторых взрослых, подвергнувшихся радиационному облучению. У нас состоялась коллегия Минздрава СССР, где персонально были утверждены дети первой группы. В марте 1990 года они вылетят на Кубу на лечение. Потерпите, пожалуйста, еще немного и вашего сына обязательно вылечат.

На втором листе была выписка из решения коллегии Минздрава. Там были указаны телефоны, куда обратиться, какие документы подготовить, чтобы впоследствии можно было осуществить выезд на Кубу.

Почтальон, довольная, что принесла радостную весть, разулыбалась и пожелала Валентине Павловне выздоровления ее сыну.

Валентина Павловна уже в который раз перечитывала оба листочка и вдруг ее взгляд зацепился за фразу, на которую она раньше не обратила внимание: «Выезд ребенка Наумова Андрея Валерьевича, 1976 года рождения, уроженца Брянской области, осуществляется непосредственно — без сопровождения».

Валентина Павловна: Валера! Почитай! Андрей поедет один!

Валерий вздохнул: Валюшечка! Мальчику уже идет четырнадцатый год! Он за день делает уже тысячу триста шагов. Ты его в «Орленок» не отпустила. Конечно, оберегать сына надо, но ведь он взрослеет. Я думаю, что он может полететь самостоятельно.

Валентина Павловна: Валер! Пойдем к сыну, покажем ему письмо. Как он скажет, пусть так и будет.

Через два дня Валентина Павловна едет в Москву.

И снова по поезвному радио звучит песня «Железнодорожный вальс».

Валентина Павловна (негромко говорит сама себе): А песня-то счастливая. Каждый раз что-то сдвигается в лучшую сторону.

Мимо проходит проводница и предлагает чай. В купейном вагоне, почти пустом, она усаживается напротив Валентины Павловны и спрашивает.

Проводница: Вроде вы улыбаетесь, а лицо у вас такое усталое. Какие-то трудности? Кто-то болеет?

Валентина Павловна (сначала хочет исповедаться перед проводницей, поделиться сокровенным, но потом вспоминает слова бабушки Нади-приворотницы).

(В памяти всплывает лицо бабушки Нади-приворотницы, как она ходит вокруг кровати, где лежит Андрюшенька, время от времени сыплет на пол какие-то семена и что-то шепчет. Потом впадает в транс и говорит: «Запомните, Валюша и Валерочка! И ты, моя давняя подруга Матрена Николаевна. Никому ничего нельзя говорить. Плохое наворожат. Поняли меня?» Убитые известием о тяжелой болезни сына родственники покорно кивают).

Снова в купе Валентина Павловна и проводница.

Валентина Павловна делает беззаботным выражение лица и говорит.

Валентина Павловна: Не выпалась я, а вечером допоздна с мужем телевизор смотрели. Вот я и сомлела.

Проводница (недоверчиво хмыкает): Выпей чаю горячего. Ну, раз не хочешь делиться — не надо.

Валентина Павловна рассчитывается с проводницей, открывает две упаковки с сахаром и высыпает в чай. Ложечкой аккуратно помешивает. А по поездной радиотрансляции раздаётся:

Под стук вагонных колес

Приятно прихлебывать чай,

Разлет светлых девичьих кос

Меня захмелит невзначай.

Песня звучит дальше, а Валентина Павловна грустно усмехается: «Да, были у меня когда-то косы. Но пришлось коротко постричься, потому что педиатр Агриппина Самойловна предупредила еще в далеком 1986 году в майские праздники».

(Выплывает лицо педиатра Агриппины Самойловны. Она на кухне строго выговаривает Валентине Павловне, тряся указательным пальцем правой руки: «Валентина! Во-первых. Волосы убирать в косынку. Во вторых. К сыну подходить только в тонких резиновых перчатках. В-третьих. Все время одевай марлевую повязку на лицо. И, наконец, купи три медицинских халата, которые завязываются сзади, и только таким образом подходи к сыну. Любая инфекция для него может привести к непредсказуемым последствиям. Ты все поняла?» Изображение гаснет).

Валентина Павловна (в вагоне поезда, сама с собой): У Андрюшечки тогда кровотечения по два раза на дню были. И капельницы ставили. И лекарства давали. И в носу все время палочки то с подсолнечным маслом, то с соком ревеня... Андрюшечка ртом дышал, исхрипел весь. Вытаскивали тогда, когда кровотечение приостанавливалось или прекращалось.

У нее на глазах выступили слезы. В это время дверь купе стала открываться — опять вошла проводница. Валентина Павловна быстро наклонилась к стакану с чаем и прихлебнула большой глоток. Закашлялась. Вытерла слезы.

Проводница не заметила, что она плакала.

Проводница: Ой, девонька! Смотри, не подавись. Ладно, я тебя тревожить не буду, когда чай допьешь, сама мне принесешь стакан с подстаканником. А я че волнуясь-то. Народ сейчас на руку нечист стал. Вот я подстаканники и собираю.

Валентина Павловна (усмехнулась): Да вы, товарищ проводник, не переживайте. Я последнее с себя сниму, а чужое никогда на трону.

Женщины поулыбались друг другу. Довольная проводница прикрыла дверь купе и пошла по своим делам по коридору. А Валентина Павловна сомлела. Недопитый чай остался на столике, она легла на незаправленную нижнюю полку и... уснула.

Когда она заходила в Министерство здравоохранения СССР, то навстречу ей спускался Евгений Иванович Чазов, министр.

Увидел ее, разулыбался.

Евгений Иванович Чазов: О-о-о! Несгибаемая матушка пришла! Мы потом о вас несколько раз на коллегиях вспоминали. Зайдите, пожалуйста, в 207-й кабинет и покажите там наше письмо-уведомление. Заполните все данные о сыне и оформляйте заграничный паспорт. А если что, то вот вам моя визитная карточка.

Помощник также узнал Валентину Павловну. И также приветливо ей покивал.

Почти два часа заполняла Валентина Павловна разные анкеты и справки. А потом спросила у вежливой терпеливой женщины лет тридцати.

Валентина Павловна: Мальчик поедет — с ним ничего не случится?

Работница Минздрава: Не переживайте.

Валентина Павловна: А я из нашего райцентра одна?

Работница Минздрава: Да, из вашего городка вы одна. А вообще из Брянской области поедут шесть человек — вместе с вашим мальчиком. Все тяжелые.

Обе женщины помолчали.

Новогодний праздник 1990-го года.

За праздничным столом четыре человека: Валентина Павловна с мужем, свекровь Матрена Николаевна и Андрюшечка.

Мальчик бодрится.

Андрюша: Мама! Пусть этот нулевой год станет для нас счастливым! А я выздоровлю! И буду учиться со своими одноклассниками в школе. Кстати, Анна Ивановна, наш классный руководитель, поздравительную открытку прислала. Может быть, ей написать, что я еду на Кубу лечиться?

Валентина Павловна: Сынок! Умоляю тебя! Никому ничего не говори.

В разговор вступает свекровь Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Внучек! Народ глазливый, завистливый. В стране, вон, неспокойно. Я после январских праздников на богомолье поеду, чтобы все у тебя получилось.

Андрюша: Мама! А ты со мной поедешь? Как же я без тебя?

Благодарно улыбаясь, Валентина Павловна гладит сына по волосам. Затем тяжело вздыхает.

Валентина Павловна: Андрюшечка! Ты один поедешь. Тебе уже скоро четырнадцать лет. Ты — парень самостоятельный у нас. Правда, папа?

Валерий (широко улыбаясь): Андрей! Ты не желторотый воробей. Ты должен поддерживать всех людей, кого судьба обидела радиоактивным облучением.

Андрюша: Ну как же я могу поддерживать?

Валерий: А как же дедушка Миша мог в партизанском отряде? Хотя совсем молодым парнем был. Комиссарил в отряде. Договорились?

Андрей задумчиво кивает головой. Потом спрашивает.

Андрюша: Мама! А на Кубе хорошо лечат? Я точно выздоровлю?

Валентина Павловна встает из-за стола, подходит к сыну и ласково приобнимает его.

Валентина Павловна: Ты приедешь здоровым и сильным. И инвалидность снимут со временем. Лучше ведь самому зарабатывать, чем у государства на иждивении числиться.

Андрей прижимается к маме. Ему хорошо и спокойно в кругу близких людей.

29 марта 1990 года. Москва. Аэропорт «Шереметьево».

Андрей впервые в жизни выехал так далеко от дома, да еще и летит за границу. Он крепко сжимает в одной руке советский загранпаспорт, в который вложен красивый авиабилет, а другой рукой держится за руку мамы. Валерий несет две сумки. Одна — большая, с вещами. А другая — маленькая. В ней бутылка минеральной воды и лекарства.

Валентина Павловна (наставляет сына): Андрюшечка! Будь очень внимательным. Воду пей только там, где пьют все. Руки мой постоянно — перед едой и после еды. Лекарства принимай по графику. А если будут еще лекарства давать, то слушайся врачей.

Мальчик кивает в ответ. Он подавлен и немного расстроен. Мимо на коляске провозят юношу лет 16-ти. Валентина Павловна вздрагивает: правая рука у него повисла, одна сторона лица неподвижна. Его везут две женщины. На их лицах отчаяние и безысходность.

Вдруг парень резко машет левой рукой и женщины в недоумении останавливаются.

Юноша (оборачиваясь к Андрею. Говорит хоть и понятно, но тяжело): Я вижу, ты тоже покореженный бедой? Давай знакомиться. Меня зовут Денис.

Андрей с радостью жмет левую руку парня. Рукопожатие у того сильное.

Юноша: Я из Калужской области. Из Медыни. А ты откуда.

Андрей называет себя.

Денис: Вот и хорошо. Я буду командиром нашего воинства. А тебя назначаю комиссаром.

К ребятам подходит высокий сухощавый мужчина средних лет. Валентина Павловна замечает это, но так как он подтянутый и в красном галстуке, то кажется значительно моложе.

Денис: Это наш вожатый. Евгений. Евгений, я комиссара нашел!

Евгений приветливо улыбается и представляется родителям Андрея.

Валентина Павловна молитвенно складывает руки: Вы, пожалуйста, за мою мальчонкой приглядите — ему еще 14-ти нет. Все время слабость у него. Шесть диагнозов поставили. Вторая группа инвалидности.

Андрей (обиженно): Товарищ вожатый! Не слушайте ее! Я уже почти тысячу шестьсот шагов в день делаю. Когда за спинку держусь, то четыре раза приседаю. Маме по дому стараюсь помогать. Учусь на «отлично». Победил в областной предметной олимпиаде в прошлом году.

Евгений (одобрительно хлопает Андрея по плечу): Нам такие бойцы нужны!

Возле стойки регистрации собираются родители с больными детьми. Матери узнают своих товарок по глазам. Дети в основном чувствуют себя бодро: перемены их радуют, а новизна в основном не пугает.

Высокий мужчина в летчицкой форме придерживает красивую 17-летнюю девушку. Она остановилась возле Андрея. Мама девочки катит за ручку очень большой чемодан.

Валентина Павловна (интересуется): Приданое для дочери? За кубинца замуж решили отдать?

Мама Любы рада шуточному вопросу: Да, осталось только вылечиться! Мы сами-то из Гомельской области, из Белоруссии. У Любы поражение костного мозга.

Валентина Павловна вздрагивает в страхе. Андрей, несмотря на то, что на полго-ловы ниже Любы, говорит ее отцу.

Андрей: Вы не переживайте, я ее опекать буду. Ты согласна?

Девушке нравится худощавый внимательный и вежливый мальчик. И она соглас-но кивает ему.

Люба: Спасибо тебе, Андрей. Не знаю, как по отчеству. Мне помощь очень нуж-на. Я несколько шагов прохожу, и меня всю простреливает. Если не удержусь, то могу упасть. Ты как, удержишь меня?

Андрей (выпячивает грудь и хорохорится): Да я больше тысячи шестисот шагов прохожу за день. У меня силы ого-го сколько! Мам, правда же?

Валентина Павловна смотрит на худенькую фигуру сына. На его слабые руки. Но виду не подает.

Валентина Павловна: И среди легковесов есть чемпионы мира. Мой сын — стой-кий оловянный солдатик, Люба!

Все улыбаются. Только Валерий темен лицом. Он очень любит сына, а неизвест-ность, в которую уезжает мальчик, его очень пугает.

Валентина Павловна замечает это. И незаметно шлепает его по руке.

Валерий удивленно оглядывается. Валентина Павловна внимательно смотрит на мужа и бодрым голосом говорит.

Валентина Павловна: Валера! Тебе торбы за сыном носить не надоело? Вон, на-ша очередь регистрации подошла.

Валерий отвлекается и начинает суетиться, ставя большую сумку на ленту транс-портера.

Все зарегистрировались. Медленно, в меру своих сил, при помощи родителей идут и едут на колясках в зал вылета. По пути их следования люди останавливаются и молча провожают их глазами.

Там уже ждет вожатый Евгений, сопровождающие их медики. Шестеро сопрово-ждающих и пять взрослых мужчин, которые тоже пострадали от чернобыльской ава-рии. Двое — на костылях.

Вожатый Евгений (командует): Прошу подойти ко мне командира отряда Дениса и комиссара Андрея.

Мама и старшая сестра Дениса охают, потому что понимают, что наступает ско-рое расставание.

Денис держится и пытается шутить с Андреем.

Денис: Комиссар! Я говорю плохо, поэтому командуй ты.

Валерий (шепчет жене): Валюш! А Андрей-то приободрился! Ответственность за всех чувствует.

Валентина Павловна еле сдерживает слезы: Хоть бы выздоровел. А сердце у не-го большое, сострадательное.

Андрей (мягко командует): Пострадавшие в чернобыльской катастрофе взрос-лые, комсомольцы, пионеры и октябрята, в три шеренги становись!

Началось шевеление. Все строятся.

Андрей: Командир отряда Денис! Все построились.

Денис: Предлагаю на выбор три названия нашего отряда: «Непокоренные», «Не-устрашимые» и «Борющиеся за здоровье».

Все молчат.

Денис недоумленно оглядывает всех и спрашивает: Какое название выберем?

Денисиданов говорит четырехлетний мальчик, которого поддерживает мама: Я еще даже не октябренок, но тоже еду с вами. А название предлагаю такое: «Несломленные»! Раз мы все здесь, значит, мы верим в выздоровление. Правда, мама? *(Обращается он к крупной высокой женщине, которая поддерживает его за руку).*

Женщина лет тридцати: Все верно, сынок! Я горжусь и тобой, и твоими новыми друзьями.

Она замолкает, чтобы не расплакаться.

Денис: Отряд «Несломленные»! Равняйся! Смирно! *(Поворачивается в коляске к вожатому, нахлобучивает фуражку и левой рукой отдает честь).* Вожатый Евгений! Отряд «Несломленные» к поездке построен. В строю 137 человек. И плюс мы с Андреем.

Вожатый Евгений принимает правила игры: Рапорт принят. Товарищи бойцы! Наш полет будет беспересадочным, лететь мы будем почти пятнадцать часов. Наш самолет называется Ил-62 М. Командир — пилот первого класса, Герой Советского Союза. В его летной практике это один из самых почетных авиарейсов. Вылетаем из Европы, а прилетим в Центральную Америку. В столицу Кубы — город Гавану. В аэропорт Хосе Марти. Желаю всем удачного полета. Вместе со мной еще шесть сопровождающих. Пятеро взрослых, которые тоже пострадали от чернобыльской катастрофы, а также бригада медиков. Уверен, что вы все хорошо перенесете полет. Кто-нибудь когда-нибудь летал на самолете?

Андрей увидел, что поднялась только одна рука. Это была Люба. Все посмотрели на девочку.

Люба: Я два раза летала. Один раз с мамой из Минска в Москву, а второй раз с папой. Он легчик и может бесплатно брать с собой одного члена семьи. Это было в 1985 году. Я летала из Гомеля в Брест — на 40-летие Победы над фашистами.

Все бойцы уважительно посмотрели на Любу.

Люба (продолжила): Лететь не страшно, интересно. Кто захочет, может спать. Этот самолет очень большой, можно ходить по проходу.

Тут Люба смутилась. Она поняла, что сказала глупость. Все дети были слабые и, конечно, в самолете им будет не до хождений.

Вожатый Евгений: Сейчас команду «вольно». У вас есть три минуты, чтобы попрощаться с родителями. Потом проходим паспортный контроль, и — мы уже за границей.

Некоторые из матерей едва сдерживали стоны. Отцы старались не подавать виду и пытались быть мужественными.

Валентина Павловна с Валерием подошли к Андрею. Мальчик застыл на месте и о чем-то сосредоточенно думал. Валентина Павловна взяла сына за плечи и повернула к себе. Валерий тоже наклонился к сыну.

Валентина Павловна: Сынок! О чем ты задумался? Что с тобой?

Андрей посмотрел на мать таким взглядом, от которого она вздрогнула. В нем читались отчаяние, мольба.

Андрей: Мама! Ты меня не бросаешь? Я живым вернусь обратно? Я сейчас вспомнил, как я сидел в комнате, смотрел телевизор, а двери в коридор и на кухню были приоткрыты. И как тебе тетя Тамара, мама Витюшечки, говорила, чтобы ты меня никуда не посылала. Мол, какой бы ни был, а все равно самое родное — сын. А если что и случится, то она с тобой вместе на могилы ходить будет. И говорила, что возле Витюшечки место есть. Мам! А если я умру, то тебе тело отдадут потом?

Лицо Валентины Павловны закаменело. Своими вопросами сын надрывал ей сердце. Она окинула взглядом других родителей. Матери тоже переводили взгляды

друг на друга. Тем самым они давали молчаливую клятву: не плакать, сдерживаться, улыбаться и вдохновлять своих детей на обязательное выздоровление.

Даже четырехлетний Тоник (Антон) поскуливал и ластился к матери.

Краем глаза Валентина Павловна увидела, как Люба упала лицом на грудь матери. Мать сдерживала эмоции и молчала.

Мать и сестра охали вокруг Дениса, чуть не причитая. Денис прикрыл глаза, откинулся головой на спинку коляски.

Неожиданно вмешался Валерий.

Валерий: Андрей! Ты отвечаешь за моральное спокойствие всех! Ты понимаешь это?

Андрей отвлекся от своих тягостных мыслей. Больные дети рано взрослеют. А если болезнь еще и длится долго, то они в некоторых вопросах даже мудрее своих родителей. Он обнял своих наклонившихся к нему маму с папой и сказал.

Андрей: Ждите здорового! Ищите невесту! У нас в доме три больших комнаты. Так что места на всех хватит.

Произнося эти слова, он сделал такое важное лицо, что Валентина Павловна невольно расхохоталась. Своим смехом она разбудила всех — и детей, и их родителей, и близких.

Вожатый Евгений понял, что пора командовать построение.

Евгений: Отряд советских детей «Несломленные»! В колонну по одному становись!

Первыми пошли больные взрослые. Открыли специальную калитку. Каждый держал паспорт, и все медленно двинулись вперед. За вынесенным из будочки столиком сотрудница ловко ставила штампы на одной из страниц паспорта, подтверждая вылет.

Родители еще стояли несколько минут и смотрели вслед.

Поднялись в самолет.

Как и обещал, Андрей опекал Любу.

Вожатый Евгений негромко подгонял больных детей: Проходим вперед! Не отставливаемся! Первый салон не наш.

Люба сделала несколько шагов и вдруг стала валиться набок. В кресло она села удачно, вся раскраснелась и тяжело задышала. Подбежала врач и аккуратно отстранила Андрея.

Все остановились. Врач поднесла к носу Любы ватку с нашатырным спиртом. Быстро измерила давление. Тут же дала ей запить таблетку. И улыбнулась девушке.

Врач: У тебя все хорошо. Но дальше идти не надо. Оставайся здесь, а я сяду напротив, через проход.

Андрей протиснулся мимо Любы и уселся с ней рядом.

Стюардесса сострадательно посмотрела на детей. Постепенно прошли все.

Колясочников заносили на руках.

Мимо проносили Дениса. Он вдруг скомандовал.

Денис: Остановитесь здесь. Андрей, пересядь к иллюминатору. Люба, пересядь к нему, а я пристроюсь с краю. *Затем повернулся к врачу:* Доктор, вы возражать не будете?

Так как все послушались и перемещения произошли, то возражать уже было поздно.

Сложенную коляску Дениса поставили перед первым рядом первого салона.

Постепенно все расселись. Вожатый Евгений ходил по проходу и считал детей.

Вдруг появились трое морских офицеров. Это были советские военнослужащие, которые летели на Кубу. Вице-адмирала сопровождали два капитана 1 ранга. Они зашли в салон и удивленно остановились: на их местах сидели дети.

Один из капитанов 1 ранга хотел было возмутиться, но посмотрел на лицо Дениса, потом перевел взгляд на побледневшую Любу и осекся. Другой капитан 1 ранга нарочито радостным голосом сказал.

Капитан 1 ранга: Товарищ вице-адмирал! Я думаю, мы и в хвосте хорошо устроимся?

Вице-адмирал согласно покивал, потом снял свою фуражку и надел ее на голову Любы.

Вице-адмирал: Будешь на Кубе моей дочкой!

Девушка слабо улыбнулась: В Союзе у меня один папа, а на Кубе будет другой?

Вице-адмирал засмеялся. Он снял с ее головы фуражку и достал из портфеля-дипломата фломастер.

Вице-адмирал: Как тебя зовут?

Девушка представилась.

На внутренней стороне фуражки он написал несколько слов, размашисто расписался, поставил дату и время. Затем приложил правую руку к виску и отдал фуражку девушке.

Они пошли по проходу дальше, а Люба прочла текст вслух.

Люба: Мой доченьке Любе. Возвращайся в Москву здоровой! Верю. Роспись.

Люба расплакалась. Андрей достал платок из левого нагрудного кармана, который предусмотрительно ему положила мама, и вытер ей слезы.

Денис вздохнул: А вот у меня папы нет. Ушел из семьи после чернобыльской аварии. Но я на него не сержусь. Алименты платит. В день рождения подарки передает. А вот сам не приезжает. Это моя бабушка, его мама, настроила отца: зачем тебе инвалид? У тебя еще дети будут.

Андрей бестактно поинтересовался: И что, дети есть еще?

Денис: Да, двойняшки родились. Им сейчас по полтора года.

Люба: Глупые вы оба! *(и тяжело задыхала).*

Мальчики переглянулись и замолчали.

Полет начался. Стюардессы предложили конфеты «Взлетные». Постепенно сон охватил всех.

Вожатый Евгений и шестеро сопровождающих зорко ходили по проходам. Кому полет, а им — забота. Время от времени детей отводили в туалет.

Андрей тоже уснул. Проснулся он от того, что стояла полная тишина. Вожатый Евгений о чем-то разговаривал со старшей стюардессой. Люба спала. На ее коленях лежала адмиральская фуражка, которую она бережно обнимала двумя руками.

Денис не спал, а смотрел вперед, прислушиваясь к разговору вожатого и стюардессы.

Андрей тоже прислушался. Заметив, что Андрей проснулся, вожатый Евгений протянул ему красный галстук.

Евгений: Добрый день, Андрей! Видишь, комиссар, командир уже красный галстук одел. Ты одень тоже. Вместе с Любой первыми выйдете из самолета. А я буду стоять на верхней площадке и помогать ребятам.

Разбудили Любу. Она начала прихорашиваться. Длительный полет она перенесла хорошо.

Вдруг появился маленький Тоник. Он бесцеремонно похлопал вожатого Евгения по правому боку.

Антон: Товарищ вожатый! Мы уже прилетели? Давайте выходить!

Вожатый Евгений ласково потрепал Антона по голове: Антон! У нас же дисциплина! Нужно слушаться командира и комиссара.

Андрей отстегнулся и вышел в проход. Помог подняться Любе. Затем медленно, очень медленно, поднялся Денис.

Денис: Я посчитал: снадцать ступенек на трапе. Я спущусь сам, держась за поручень. Ты меня, пожалуйста, поддерживай, Андрюша! А потом мне вынесут коляску, разложат ее и я буду чувствовать себя уверенно.

Андрей: Может, попросить сопровождающих, чтобы помогли тебе справиться. А то вдруг упадешь, травмируешься.

Денис напрягся: По тра-пу я сой-ду сам!

Вышли. Андрей ничего не замечал перед собой — только ступеньки трапа. После одиннадцатой ступеньки он почувствовал, что Денис наваливается на него все сильней. Спустились на бетонные плиты аэродрома. Андрей поднял глаза и увидел перед собой очень большого высокого человека в форме защитного цвета и в берете. У мужчины была окладистая борода с проседью. На детей он смотрел добрым внимательным взглядом.

Андрей почувствовал себя сильным и уверенным и вытянулся. Это же чувство перedalось и Денису.

Один из сопровождающих уже разложил коляску. Денис уселся в нее. Андрей с облегчением вздохнул и вдруг почувствовал страшную усталость. Он ухватился за ручки коляски и сделал несколько шагов вперед. Ему стало легче.

Следом стали спускаться ребята. За спиной Андрея стояли двое смуглых высоких мужчин и на плохом русском разговаривали друг с другом.

Один, указывая пальцем на стоящего на верхней площадке Евгения, говорил другому: По моим данным, это офицер КГБ, Евгений Крайнев. Но почему он не в форме и на нем красный галстук?

Мужчина постарше (ответил): Наверное, он работает вожатым. А считается, что служит офицером КГБ.

Молодой недоуменно продолжил: Альфредо! Получается, что КГБ — это друзья пионеров?

Мужчина постарше: А чему ты удивляешься? КГБ — друг всех.

Вожатый Евгений стоял на площадке трапа и приветственно махал встречающим рукой.

Мужчина постарше помахал ему в ответ. Более молодой коллега последовал его примеру.

Денис что-то негромко сказал Андрею. Он не расслышал, наклонился и переспросил.

Денис: Пусть все строятся справа от меня и ты поприветствуешь встречающих. И пионеров, и взрослых кубинцев. Я немножко подремлю.

Он вытянулся в коляске и прикрыл глаза.

Когда все спустились, Андрей скомандовал построение.

Вожатый Евгений легко сошел с трапа и передал Андрею забытую им сумочку с минеральной водой и лекарствами.

Вожатый Евгений: Комиссар! Будь внимательнее.

Тут же он разулыбался появившимся из-за спины Андрея двум мужчинам в штатском. Они поздоровались.

Кубинские пионеры бросились к советским детям, стали вручать им цветы и небольшие сувениры.

Андрей отрапортовал: Отряд советских детей «Несломленные» прибыл для лечения на Кубу. Все здоровы. Готовы следовать дальше.

Кубинцы добродушно рассмеялись.

Андрей смутился, потому что понял, что сказал не то.

Всех стали рассаживать по автобусам. А Андрей вдруг почувствовал, как большая сильная ладонь легла на его голову и погладила. Андрей понял, что это был тот самый высокий сильный мужчина в костюме защитного цвета.

Он услышал приятный баритон: Ола! Советские дети! Здоровья и счастья. Андрей тогда не знал, что это был команданте, руководитель Республики Куба Фидель Кастро Рус, который специально приехал, отложив все государственные дела, чтобы лично встретить советских детей.

Андрей хотел оглянуться, но постеснялся. В двух шагах от него, поддерживаемая маленьким Антоном, стояла Люба. Она терпеливо выдержала всю приветственную церемонию, но видно было, что она очень устала. Андрей подкатил коляску с Денисом к автобусу и передал сопровождающим. А сам устремился к Любе.

На аэродроме было жарко, но в автобусе прохладно, потому что работали кондиционеры. На четырех автобусах прибывшие гости поехали к месту постоянного расположения.

Они ехали по улицам города. Дети прильнули к окнам. Все вокруг было интересным и необычным.

Вдруг кто-то закричал: «Смотрите, ослик! Ящики с фруктами везет!»

Ослик важно вышагивал куда-то, куда его вела немолодая кубинка и не обращал на автобусы никакого внимания. Вероятно, привык к транспорту.

Приехали в Тарару.

В бывшем пионерском лагере разместился центр по лечению советских детей, пострадавших от чернобыльской аварии.

Вышли из автобусов. Все снова построились. Дети с гордостью смотрели, как на флагштоке поднимается советский флаг. Они поняли, что представляют страну.

Затем подняли кубинский флаг. Два стяга весело развевались под легким ветром, иногда касаясь друг друга.

Затем всех расселили в двухэтажных корпусах. Андрея поселили вместе с Денисом, Антоном и еще двумя мальчиками из Белоруссии. Это были двоюродные братья Борис и Глеб. Они были ровесниками Андрея.

(Окончание следует)

